

Последний трофей от Евгения Халдея

Я потому запомнил 31 мая 1945 года, что получил в этот день необыкновенный подарок.

Где-то уже ближе к вечеру в нашем старом доме на Серпуховке появились гости.

Отец, еще в конце апреля вернувшийся с фронта, привел своего давнего друга, фронтового фотокора ТАСС – моего любимого дядю Женю Халдея. Дядя Женя – единственный из отцовских друзей

– носил свою морскую форму. Мне казалось, что дядя Женя всегда как-то и чем-то смущен

и весел одновременно. С ними пришла молодая красавица, летчица, капитан, вся в орденах

и медалях, которую я раньше никогда не видел. Как я теперь понимаю, «тетя Наташе»,

этому чудесному воздушному капитану, было тогда года 24, не более.

Дядя Женя с ходу, едва мы перешли в комнату, из кармана клёшей извлек подарок: серебром сверкавшую губную гармошку. Она показалась мне волшебно красивой: широкая, с двумя двусторонними рядами отверстий, чтобы играть на ней, а по бокам – сверкающие никелем пластины с изображением замка с башнями, пастушка, играющего на флейте, и с какой-то витиеватой надписью по диагонали. «Альпийский голос, – перевел дядя Женя, – это тебе». «Где вы ее купили?..» – спросил я. И он рассказал.

Уже километрах в ста от Берлина оказался на его пути какой-то маленький городок, показавшийся совершенно пустынным. А у

самой дороги – разбитый домик: передняя стена лежала грудой разбитых кирпичей. Черепичная кровля тоже наполовину обрушилась, и перед домом – скособочившийся бронетранспортер с крестом, с отвалившимся задним колесом. Оно дымилось еще. И еще Халдей увидел пулемет в кузове, над сиденьем водителя, клюнувший и застывший прикладом кверху.

Только потом, обойдя машину, он стал разглядывать дом. А там – картина: в углу уцелевшей стены странным образом сохранилось окно, задернутое чистой белой занавеской, а рядом горшок с цветущей геранью – яркой и свежей, как будто не было рядом страшного взрыва. А возле цветка, невозмутимо взирая на мимо текущее бурное время, сидел пегий кот.

Халдей сразу увидел снимок: разбитый дом со стеной открывался подобно декорации в театре, с этим котом и геранью, и тут же вторым планом – подбитая машина с дымящимся колесом.

Он достал «Лейку», выдвинул объектив, нацелился так, чтобы в центре кадра оказались кот и цветок. А тот, негодное животное, едва увидев объектив, проворно спрыгнул и тут же бесследно скрылся. Как будто его и не было. Халдей огорчился, конечно, но снимок сделал. Много позже, в гостях у дяди Жени, я увидел его. Отличный снимок, со смыслом. Но без кота. Не знаю, был ли он когда-нибудь и где-нибудь напечатан, этот снимок, но другой снимок – «Знамя Победы над Рейхстагом» – сделал Халдея всемирно известным фотографом Великой Отечественной. И вот тогда, собираясь уже уходить, он увидел на подоконнике что-то сверкнувшее. Подошел, а это – губная гармошка. Дядя Женя вспомнил обо мне и сунул гармошку в карман.

Похожие губные гармошки советские солдаты частенько привозили с собой из Германии – и трофеей, и память, и сувенир...

..Мать в этот день, 31 мая, была предупреждена и гостей ждала. Угощением была ее фирменная селедка под шубой и вареная картошка в мундире. А еще банка тушенки из тех двух банок, что привез отец. Ну и, конечно, бутылка водки, с сургучной головкой.

Как же эти двое мужиков, не вставая из-за стола, вились вокруг Наташи – это даже я понимал, а она, такая красивая, милая, не отдавая никому предпочтения, смущенно, но и привычно принимала эти ухаживания...

В этом же мае я одержал и свою личную победу, окончив первый класс. И восемь с половиной лет уже давали мне право, как я считал, полагать себя, ну, почти взрослым. И я изо всех сил старался, чтобы «тетя Наташа» и на меня свой взор обратила.

О чем они говорили... О Победе, конечно. Кого она где застала. Вспоминали общих знакомых, с которыми встретились или разошлись, разведенные дорогами войны, а еще о том, как станут жить теперь.

Уже позже, спустя годы, вспоминая тот день, я понял, что они – все трое – были и как-то необъяснимо для меня растеряны. Может быть, потому, что не было у них полной ясности, как станет их жизнь налаживаться. Помню только, что Наташа говорила о Ленинграде, хотя, кажется, она родом оттуда, что хочет учиться.

И еще у меня сохранилось какое-то неосознанное ощущение, что тот день – последний день первого месяца Победы – им был как-то особенно дорог. И так не хотелось, чтобы день этот кончался...

И расставаться в тот вечер никто из них не хотел. Они и ушли вместе – отец с ними. Поехали в центр, к Большому театру, где было много людей. Таких, как они: вернувшихся только что, со свежим ветром Победы.

Леонид Репин